

Фэн Цицай “Подзорная труба” (отрывок)

Этот дом стоял здесь еще сто с лишним лет назад, но вот уже сто лет, как его больше нет. Иными словами, никто из ныне живущих в мире его не видел.

Для тех, кто бывал Тяньцзине в те времена, не увидеть этот дом приравнялось к большой неудаче, все равно что не услышать Лю Ганьсяня¹ в “Восемнадцати сплетнях” или не отведать жареную рыбу шкурку в доме семьи Бянь², одной из восьми влиятельных семей. Но не увидеть этот дом было все же особенно серьезным упущением.

Рассказывают, что когда этот дом еще стоял, некий иностранец долго смотрел на него, словно замороженный, затем с громким щелчком сделал снимок, и всякий, кому этот снимок попадался на глаза, мог впасть в оцепенение. Сам дом ничем особенным не отличался: обычный традиционный дом средних размеров из четырех построек, обращенных фасадами внутрь двора, с тремя воротами. Станным же было то, что из двора за вторыми воротами вздымалась гигантская старая акация, крона которой простиралась, словно зонт необъятных размеров, не только над всеми дворами, но и над домом, укрывая его целиком. Подумайте только, каково было жить в этом доме? В любом случае, под защитой такого огромного дерева можно жить спокойно и беззаботно, не боясь проливных дождей, сильного ветра и палящего солнца, зимней стужи и летней жары. Каждое лето с приходом знойных дней во всех домах Тяньцзиня строились высокие и широкие навесы из еловых жердей и тростниковых циновок для защиты двора от солнца. А для жителей этого дома в этом не было нужды. Большая акация – прекрасное природное убежище, не говоря уже о том, как она прекрасна в цвету!

¹ Лю Ганьсянь (1816-1894), уроженец Тяньцзиня, знаменитый актер Пекинской оперы, игравший роли чоу (шугов, комиков) и известный своим острым языком. (Здесь и далее – прим. переводчика)

² Одна из восьми влиятельных семей Тяньцзиня, коммерсанты, переехавшие в Тяньцзинь во времена правления императора Канси.

Каждый год в мае все дерево покрывалось цветами. Оно было похоже на диковинный цветочный горшок, возвышающийся над безликими серыми кирпичными постройками Бэйчэна³, заметный издалека. Когда поднимался ветер, с дальних концов можно было ощутить неповторимый аромат цветков акации. Если ветер дул с юго-востока, аромат цветов смешивался с запахом горящих благовоний в храме Чэнхуан в северо-западной части города. Если же дул северо-западный ветер, аромат цветов смешивался с запахом горящих благовоний в храме Байи напротив Чжуньин. В течение дня аромат раздавался особенно отчетливо по утрам и вечерам, когда открывались и закрывались городские ворота. При открытии и закрытии ворот всегда звучал колокольный звон, поэтому запах акации сливался в одно целое с протяжным звоном колокола с Барабанной башни.

То ли благоухание цветов приносило с собой колокольный звон, то ли звон сопровождался цветочным ароматом, кто мог сказать наверняка?

А что же семья, живущая под этим благоухающим деревом? Как прекрасно было им дышать и предаваться сну в этом аромате! Жители Бэйчэна говорили, что когда жильцы этого дома выходили на улицу, то все они источали тонкий аромат акации. Когда же наступал сезон опадания цветов, становилось еще прекраснее: черепичные крыши и двор покрывались белоснежным одеялом, словно в снегопад. Сколько ни подметай, на следующий день все белело опять. Стоило женщинам из этого дома постоять немного во дворе, как на их волосы цвета воронова крыла опускалось несколько белых цветков с голубым и желтым оттенком, как будто специально надетые украшения. Аккурат в это время года сюда приходили из нескольких старых городских аптек и мешками собирали цветки. Потом люди, заходя в эти аптеки за акацией, с улыбкой говорили: “Это не иначе как та самая акация из дома Оуянов на улице Фушу!”

³ Район Тяньцзиня.

В семье Оуянов никогда не было недостатка в цветах акации, этим особенно гордился господин Оуян.

Всякий раз в сезон опадания цветов он любил поставить пустую чашку с открытой крышкой на каменный стол во дворе, налив в нее только горячую кипяченую воду и ничего больше. Через какое-то время цветы наполняют чашку без лишнего шума, а когда горячая вода пропитается цветочным ароматом, а лепестки немного расправятся, чашку душистого и освежающего чая из цветков акации можно будет выпить в любой момент...

И волшебно, и обыкновенно, и буднично, и чудесно!

Правда ли существовал такой дом? В таком случае, почему же его не стало? Что же случилось с акацией с ее необъятной кроной? Кто мог сдвинуть с места такое гигантское дерево? Разве не говорили, что некий иностранец фотографировал этот дом? Где же он теперь? Боюсь, что даже люди, видевшие фотографию, не смогут найти ответ.

Но зачем непременно нужно смотреть на это фото? Фотография – это всего лишь картинка, на которой можно увидеть человеческую фигуру, но она не может сохранить воспоминания об ушедших годах. Чтобы узнать подробности и факты, приходится полагаться на подпись под фотографией. Если уж на то пошло, труднее всего сказать, сколько лет этому странному старому дому. Выше говорилось, что он “стоял здесь еще сто с лишним лет назад”, тогда ему гораздо больше ста лет.

Кто-то говорил, что он существовал еще во времена династии Мин, а кто-то – что он был построен торговцем солью в начале династии Цин. Ход истории никто не может знать наверняка. В любом случае, этот торговец солью впоследствии съехал, дом переходил из рук в руки, менял владельцев, несколько раз ремонтировался, в нем трудно отыскать детали, относящие его к временам династии Мин. Разве что две вырезанные из камня головы тигра

на постаменте привратных башен рядом с главными воротами своим внушительным видом передавали атмосферу династии Мин.

В доме всегда господствовал дух его хозяина. Кто становился хозяином, тот и устанавливал порядки на свой лад, как и страна под властью императора. Только старая акация во дворе оставалась неизменной. Да и как ей было меняться, для нее это могло обернуться лишь гибелью. В годы правления Гуансюя один знающий человек сказал, что испокон веков люди сначала строили дома, а потом сажали деревья, никак не наоборот. Стоит вычислить возраст старой акации, как сразу станет понятно, сколько лет дому. И тогда один разбирающийся в деревьях человек сказал, что этой старой акации никак не меньше трехсот лет. Таким образом и было определено приблизительное время постройки дома: период Ваньли династии Мин⁴. Но это означает лишь то, что он начал строиться в период Ваньли. Судя по изображениям на надвратных башнях и экране напротив ворот⁵, все они были добавлены позже в процессе реконструкции дома. До и после Даогуана⁶ здесь жил домовладелец, наживший богатство на спекуляции морепродуктами. Он был настолько заносчив, что мечтал покрыть весь дом золотом и серебром, чтобы ослепить всех их блеском. Первоначально он хотел снести надвратные башни и выстроить заново, увеличив их на шесть чи⁷, а покрытие пола в доме и во дворе заменить на каменные блоки. К счастью, его жене не понравилось то, что на старой акации всегда собирается много птиц, чей липкий помет постоянно падает на нее сверху. Поэтому они передумали и купили пустой участок земли на улице позади магазина зерна в районе Хэбэй⁸, где построили новый дом и переехали туда.

Можно сказать, старому дому очень повезло, и он не был испорчен.

⁴ Ваньли – девиз правления императора династии Мин Чжу Ицзюня, годы правления с 1572 по 1620.

⁵ В традиционных китайских жилых постройках напротив входа ставили неширокую стену инби с целью защитить дом от злых духов.

⁶ Даогуан – девиз правления восьмого маньчжурского императора, годы правления с 1820 по 1850 года.

⁷ Чи – китайская мера длины, равная 1/3 метра.

⁸ Хэбэй – район Тяньцзиня.

Когда дом оказался в руках господина Оуяна, приехавшего из города Цыси провинции Чжэцзян, чтобы открыть магазин писчебумажных принадлежностей, в судьбе дома произошел переворот. Господин Оуян не стал действовать напропалую. Он влюбился в этот дом, в его толстые, прочные, изящные стены, отполированные временем, с изрезанными трещинами кирпичами, в окна, увитые девичьим виноградом, и в особенности – в старую акацию, придающую ему неповторимый облик.

Пусть Оуян был торговцем, но большинство торговцев в Чжэцзяне происходили из ученых семей. Когда люди говорят о Цзяннани⁹, они имеют в виду, главным образом, две провинции – Цзянсу и Чжэцзян, в которых уделяют должное внимание учености и поэзии. Разница в том, что жители Цзянсу любят перо и тушь, там повсюду поэты и художники. А жителей Чжэцзяна нельзя назвать чиновниками и торговцами в полном смысле слова, так как половина получивших образование идет в чиновники, а половина в торговцы. Из одного только города Цыси, откуда он был родом, за всю историю вышло 500 цзиньши¹⁰. По этой причине большинство чиновников в Чжэцзяне были гражданскими чиновниками, а торговцы – купцами-конфуцианцами. И хотя они получали свои барыши в слитках золота и серебра, в доме не было недостатка в книгах и туши. Хотя господин Оуян не стал полностью ремонтировать старый дом, он избавился от вульгарных узоров, вырезанных на дереве и кирпиче, убрал изображения сосудов с драгоценностями и связок монет, заменив их на сцены рыбалки и земледелия, чтения книг, игры в шахматы, занятий каллиграфией и живописью, на изображения сливы, орхидеи, бамбука и хризантемы или восьми бессмертных. Он лишь устранил некоторые детали, оставшиеся от сменявших друг друга жильцов дома, оставив строгость и спокойствие старого дома. В душе он понимал, что атмосфера изящества, присущая

⁹ Цзяннань – территория Китая южнее реки Янцзы.

¹⁰ Цзиньши – высшая ученая степень в системе государственных экзаменов на должность чиновника.

династии Мин, исчезла напрочь в годы Цин, поэтому надо оставить старые вещи для сохранения атмосферы.

Как глава семьи он должен был жить в самом дальнем дворе, но в двух задних дворах было слишком мало солнца из-за тени от акации. Господин Оуян любил выращивать цветы, поэтому поселился в переднем дворе. Сюда и утром, и вечером заглядывало солнце, которое было необходимо некоторым цветам.

Главный дом переднего двора имел проходную гостиную и две изолированные комнаты по бокам. В зале посередине, изначально использовавшемся для приема гостей, были высокие потолки и вытянутые двери и окна, делающие его просторным и удобным. Однажды господин Оуян сидел в зале и увидел тени от дерева во дворе, похожие на чернильные пятна, что выглядело очень живописно. Поскольку из всей поэзии ему больше всего нравился Су Ши¹¹, ему сама собой пришла на ум строчка из стихотворения Су Ши “Надпись над Залом Трех акаций”: “Густые тени акаций окутали дом”. Эта строчка как нельзя лучше подходила к его дому, поэтому он поручил слугам попросить Чжао Юаньли, известного в Тяньцзине каллиграфа, написать ему табличку “Зал Тени акации”, а затем за большие деньги пригласил знаменитого резчика по дереву Чжу Синляня, который выгравировал эти иероглифы на деревянной дощечке из твердого дерева с лаковым основанием и инкрустировал их золотом. Табличку повесили посередине центральной стены зала, и каждый раз при взгляде на нее хозяин чувствовал себя состоятельным и элегантным, полным бодрости и жизненных сил. Войдя во вкус, он добавил изящную резную арку над входом в дом. Столяра пригласили из родных мест хозяина – далекого Цыси. Использовали только натуральное дерево, без цветного лака, чтобы сохранить натуральный цвет, поэтому работа вышла тонкой и изящной, с налетом ностальгии.

¹¹ Су Ши (Су Дунпо) – поэт династии Сун.